

Забыть или не забыть — вот в чем вопрос!

Ася Перельцвайг

Два года назад в Берлине был открыт Мемориал памяти жертв Холокоста. Две тысячи семьсот одиннадцать каменных плит разной высоты напоминают не то надгробные плиты, не то руины варшавского гетто, не то камеры пыток. В этом лабиринте, где даже в солнечный день царит зловещая темнота и слышны лишь собственные шаги, невозможно не испытать чувство потерянности и отчаяния. Со стороны кажется, что посетители тонут в бетонно-серой воде. Именно так итальянский писатель-еврей Примо Леви, переживший Освенцим, вспоминал свое заключение в этом лагере смерти — как «погружение в личный ад», где оказываешься ни жив, ни мертв.

На закладке мемориала в 2001 году председатель Бундестага Вольфганг Тирзе сказал: «Начало строительных работ символизирует нашу историческую ответственность перед пострадавшими от нацистского варварства». Намерение-то хорошее, но...

Мрачная тишина внезапно нарушается визгом и хохотом берлинских подростков, играющих между плитами мемориала в прятки. Около входа молодые люди спокойно расположились на плитах, словно на скамейках в парке, и поедают свой завтрак. А недавно в газете «Шпигель» появилась статья под броским заголовком «Берлинский Мемориал Холокоста используется как туалет»: оказывается, укромные закоулки этого лабиринта привлекают туристов и берлинцев возможностью в уединении справиться естественные потребности. Причем, похоже, что наличие бесплатных туалетов, специально установленных рядом с мемориалом, не решает эту проблему.

Такое неуважительное и бездушное поведение сегодняшних немцев в этом месте, где всё, казалось бы, должно напоминать о кошмаре, навязанном их отцами и дедами европейскому еврейству, пугает меня больше, чем столь часто появляющиеся в печати сообщения о вандализме на еврейских кладбищах или избиении евреев неонацистскими молодчиками. Несомненно, такие проявления антисемитизма в современной Германии тоже страшны, но они — к счастью! — ограничены узким кругом бритоголовых молодых людей с наколками-свастиками. А вот бездушие и уход от исторической памяти, увы, характеризует сегодня отношение к Холокосту германской общественности в целом. «Как быстро мы умеем забывать», — вздыхал в фильме «Семнадцать мгновений весны» адъютант Гимmlера Сольнер. Но, похоже, потомки прошедших войну немцев сознательно стремятся забыть свое прошлое, притом как можно быстрее. Даже архитектор берлинского мемориала Питер Айзенман в интервью газете «Шпигель» сказал: «Как долго нужно нести на себе эту вину? Нельзя ли уже забыть об этом?». Похоже высказалась и одна из моих коллег, университетский профессор, немка лет 35-ти, которая при упоминании о Холокосте взорвалась со словами: «Ну сколько можно говорить об этом?! Нам немцам все время суют под нос этот Холокост! Надоело уже. Пора забыть про всю эту ерунду и двигаться вперед».

Эта тема — память и сознательный уход от нее — является ведущей и в заставляющем думать фильме израильского режиссера Эйтана Фокса «Ходить по воде», вышедшем в 2004 году. В центре драматической истории, рассказанной в фильме, два очень непохожих

молодых человека: общительный, открытый, располагающий к себе немец Аксель Химмельман (в исполнении Кнута Бергера) и мрачный, неуживчивый, даже в чем-то жестокий израильтянин Эйяль (его играет молодая звезда израильского кино Лиор Ашкенази). По сюжету, агенту Моссада Эйялю поручено «подружиться» с немецким парнем, чтобы через него выследить Химмельмана-деда, нацистского военного преступника, до недавнего времени скрывающегося в Латинской Америке. Но противоположности притягиваются, и между двумя молодыми героями возникает нечто вроде дружбы, которая помогает им обоим распутывать тугой узел нравственных тупиков, в которые загнали человечество историческая вражда и старые неоплаченные счета.

В этом фильме есть такая сцена: во время путешествия на озеро Кинерет Аксель пытается, как Иисус, ходить по воде, но падает. Эйяль реагирует на это с присущим ему сарказмом, но Аксель говорит: «Ты не понимаешь. Нельзя просто приехать к Галилейскому морю и начать ходить по воде. Если бы это было возможно, то все бы так и делали. Но нужно подготовить себя... Нужно полностью очиститься. Твое сердце должно быть чистым внутри: никакого негативизма, никаких плохих мыслей. И тогда ты сможешь ходить по воде. Я уверен...». Но Эйяль не может с легкостью «очиститься от плохих мыслей», ведь он представляет собой целое поколение евреев, чьи родители выжили во время Катастрофы. Лучшее всего его отношение к истории выражает арабский парень, упрекающий его: «Вы евреи только и думаете о том, что вам сделали или не сделали в прошлом». Именно историческая память и движет агентами Моссада, чья задача «опередить Бога» и уничтожить нацистского преступника Альфреда Химмельмана несмотря на то, что тот уже стал беспомощным стариком, которому (по словам Эйяля) «дай полминуты, и он сам окочурится».

Таким образом, Эйяль олицетворяет позицию современного Израиля, где высокопоставленные иностранные визитеры в обязательном порядке привозятся в иерусалимский мемориал Яд ва-Шем, где до сих пор запрещено публичное исполнение музыки Вагнера, а многие израильтяне (как в начале фильма и сам Эйяль) бойкотируют Германию и немецкие товары.

Так кто же прав: Аксель или Эйяль? В конце фильма происходит некий обмен ролями: Эйяль ломается и, не будучи способным выполнить задачу, поставленную Моссадом, выходит навсегда из круговорота убийств во имя памяти, а Аксель, выполняет то, что не смог сделать Эйяль, отключая аппаратуру, поддерживающую жизнь престарелого нациста — своего деда. Но вне экрана такого не происходит: тогда как Германия торопится забыть, Израиль делает все, чтобы помнить.

Так почему же современная Германия так стремится отринуть свое прошлое? Дело не только в том, что молодые немцы не хотят брать на себя вину предыдущих поколений (к этому мы еще вернемся). На мой взгляд, основной причиной нежелания немцев копаться в неприятном прошлом является то, что для них Холокост — это часть той главы национальной истории, которая началась с Версальского мира и закончилась падением Берлинской стены. Это глава, в которой Германия была «третьей картой», которую разыгрывали в своих целях западные страны и советская империя, ведь недаром именно в

Германии «железный занавес» получил физическое воплощение в виде Берлинской стены, и именно там обменивали советских и западных разведчиков.

Вспомним, что еще в конце войны американцы искали пути для сепаратных переговоров с руководителями третьего рейха (именно эти переговоры стали ключевым узлом сюжета романа и фильма «Семнадцать мгновений весны»). Одной из целей этих переговоров для американцев и британцев являлось объединение сил с остатками германской военной машины для совместного удара по большевизму. Сам Аллен Даллес, который вел переговоры с американской стороны, в своей книге «Секретная капитуляция», вышедшей в 1966 году, всячески отрицает обвинения в том, что западные союзники держали эти переговоры в секрете от советской стороны, но факты говорят сами за себя: слово «русские» впервые появляется только на 118-й странице этой 220-страничной книги, а Сталин действительно узнал об операции «Санрайз-кроссворд» не непосредственно от западных союзников, а из донесений советской разведки (в том числе и из сведений, полученных от Кима Филби, члена «Кембриджской пятерки»).

С другой стороны, Советский Союз тоже не стеснялся использовать Германию в своих интересах, то есть как оружие против Запада. Так, например, взятие Берлина советскими войсками может рассматриваться не как последняя военная операция Второй мировой войны, а как первая операция уже начинавшейся тогда Холодной войны. История не любит сослагательного наклонения, но военные историки соглашаются, что к концу апреля 1945 года судьба третьего рейха была предрешена, и осада города без кровопролитных уличных боев привела бы к капитуляции Германии. Но Советскому Союзу было необходимо взять Берлин, чтобы не пустить туда западных союзников, и тысячи советских солдат и офицеров пожертвовали жизнью ради достижения этой цели.

Именно политическое противостояние СССР и Запада привело к тому, что не был доведен до конца тот процесс, который определил историю и идеологию Германии на последующие сорок лет: цикл Нюрнбергских судебных дел над нацистскими преступниками. В 1949 году эти судебные процессы были прекращены: в это время Советский Союз перекрыл транспортные артерии, ведущие в Западный Берлин, а западные союзники отстаивали свой контроль, организовав эффективный «воздушный мост» для снабжения продовольствием заблокированного города. В такой обстановке американцы понимали, что популярность среди немцев можно выиграть скорее при помощи «конфетной бомбардировки» (так называли сброс на парашютах конфет и сладостей для детей осажденного Берлина), а не выносом суровых приговоров соотечественникам осажденных берлинцев и не копанием в вопросе о распределении вины за варварства нацистов, учиненные во имя немецкого народа. Поэтому судебные процессы в Нюрнбергском дворце правосудия сошли на нет.

Важным результатом того, что Нюрнбергские процессы не были доведены до логического конца, явилось то, что так и не было определено, как широко распространяется ответственность за содеянные преступления против еврейского народа и человечества в целом. Можно ли обвинять весь немецкий народ в преступлениях, совершенных от его имени? С одной стороны, современные немцы несут не больше ответственности за Освенцим, Бухенвальд и Дахау, чем современные россияне за Соловки, Колыму и Кенгир.

Но, на мой взгляд, нельзя списывать всё на страх и неведение «маленького человека». Разве могли немцы не замечать, что каждый десятый из их окружения исчезал, чтобы никогда не вернуться? Разве могли не знать о существовании таинственных лагерей за колючей проволокой? Разве не лжесвидетельствовали на судах, которые отправляли безвинных людей в эти лагеря? Гораздо легче поверить в то, что «маленький человек» третьего рейха, запуганный безработицей и голодом в период после Версальского мира, был готов ради «спасения Германии» принести в жертву права и даже жизни тех, кто был представлен идеологами нацизма как враги: гомосексуалистов, слабоумных, политических противников нацизма и, конечно же, традиционного «козла отпущения» — евреев. Ведь лозунг «Бей жидов, спасай ... !» (Россию, Украину, Германию, Польшу — нужное подчеркнуть) вновь и вновь используют охочие до власти антисемиты всех мастей.

По-моему, именно готовность «маленького человека» третьего рейха «ради народа уничтожить людей» и сделала возможными ужасы Холокоста. И именно поэтому бездушное отношение современных немцев к своей истории, их сознательный уход от исторической памяти так пугает меня. Да, сегодняшние немцы не должны отвечать за грехи отцов, но они обязаны отвечать за свои грехи, за то, что Мемориал памяти жертв Холокоста используется для игры в прятки и отправления нужды.

Падение Берлинской стены в 1989 году символизировало не только объединение Западной и Восточной Германии, но и уход Германии от роли марионетки в противоборстве двух систем. С тех пор национальные идеологи успешно насаждают идею создания «нового германского человека», не связанного по рукам и ногам своим прошлым, не несущего бремени ответственности за грехи прошлых поколений. К чему приводят такие попытки «все до основания разрушить» мы знаем из неудавшегося исторического эксперимента по созданию «нового советского человека»: шрамы от этого эксперимента еще долго будут уродовать национальное сознание россиян.

В этой связи хочется вспомнить еще одну сцену из фильма «Семнадцать мгновений весны»: вывозя Кэт с детьми в нейтральную Швейцарию, Штирлиц говорит ей: «Надо думать только о будущем», на что не по годам мудрая Кэт отвечает ему: «Без прошлого нет будущего».

Допустим, сознательный уход от исторической памяти действительно позволяет «ходить по воде», но для еврейского народа настоящим чудом является то, что несмотря на рассеяние и гонения, погромы и концлагеря, мы уже две тысячи лет продолжаем ходить по земле.

Ася Перельцвайг преподает лингвистику в Стэнфордском университете и в свободное время изучает европейскую историю 1930-40-х годов. Ей можно написать по адресу: asya_pereltsvaig@yahoo.com.